

Зло вернется СКВОЗЬ ВЕКА

Владислав

БРАУН

РОМАН

Владислав Браун

Зло вернется сквозь века

«Издательские решения»

Браун В.

Зло вернется сквозь века / В. Браун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834124-3

Каждую ночь одного за другим жестоко убивают членов старинного рода Красновых. Кто это делает? Почему убийца расправляется с жертвами так жестоко: отрубает им головы, после чего подвешивает их за руки, переодевая в одежду XIX века? За дело берется неопытный сыщик Владимир Поляков. Но Владимир быстро выдыхается, не зная, как распутать дело. А клубок все больше и больше запутывается, и распутать его все сложнее. На месте преступления обнаружена старая подвеска и три загадочные картины...

ISBN 978-5-44-834124-3

© Браун В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Из дневника Анатолия Краснова	10
Запись от 18 февраля 1849 года	10
Запись от 21 февраля 1849 года	11
Понедельник	12
Ночь	23
До	23
После	24
Из дневника Агриппины Красновой	25
Запись от 10 мая 1851 года	25
Вторник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Зло вернется сквозь века

Владислав Браун

*Самое непростое в жизни – понять, какие мосты следует перейти,
а какие – сжечь.*

Эрих Мария Ремарк

Ад пуст. Все черти здесь.

Уильям Шекспир

© Владислав Браун, 2017

ISBN 978-5-4483-4124-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Любые несовпадения и ляпы на совести автора!
Все события, происходящие в книге – плод воображения автора. Любые совпадения случайны.*

Пролог

Май 1851 года

Санкт-Петербург, Российская империя

В городском доме Красновых проходил один из многочисленных балов. Было необычайно много гостей. Танцевальная зала оказалась наполнена гостями, умело танцевавшими вальс. Агриппина и Анатолий Красновы – хозяева сегодняшнего бала, встречали гостей, а затем заинтересованно беседовали с гостями. Вечер был прекрасным и не предвещал ничего дурного.

Ювелир Анатолий Краснов, пользовавшийся популярностью, как в Петербурге, так и в Москве, уверенно подходил к каждому из гостей. Среди пришедших встречались и благодарные клиенты Анатолия, некогда заказавшие украшение и оставшиеся довольными, и те, кто желал заказать или купить у Краснова украшение. Встречались так же и те, кто прибыл с ответным визитом.

– Анатолий, признаюсь, когда в минувшем году я заказывала себе украшение, то выбрала Савельева, все же они не одно поколение занимаются ювелирными украшениями, но я осталась недовольна, – произнесла графиня Таминская, повиснув на руке у своего мужа графа Михаила.

– И что же вас не устроило в работе Савельевых? – удивился Анатолий. – Помнится мне, сейчас семейное дело находится у Павла Савельева – младшего сына Георгия.

– Все дело в скорости. Слишком уж долго мне пришлось ждать свои серьги. Но, должна признать, оно того стоило. – Говорила графиня Таминская. – Но, Анатолий Петрович, я искренне надеюсь, что вы исполните мой заказ быстрее.

– Сие зависит от ваших пожеланий, графиня, – ответил Анатолий. – А теперь прошу меня простить, но мне нужно в кабинет. Я вспомнил о важном деле, не терпящем отлагательств.

Агриппина, все это время смиренно стоявшая подле мужа, вдруг радушно заулыбалась и будто ожила.

Анатолий спешно отошел и направился к выходу из танцевальной залы.

* * *

Он был рад тому, что ему удалось проникнуть в дом Красновых незаметно. Незвестный очень переживал именно из-за этой части плана. Пожалуй, проникнуть внутрь незаметно казалось заговорщику самым сложным. Но он с этой задачей справился на «отлично». Никто им не заинтересовался, не заговорил с ним, не остановил... Сегодня очень много гостей. Всех, поди, и сами Красновы не упомнят... Он оделся по последней моде, как во французских журналах – черный фрак, цилиндр, трость, такие же черные брюки, жилетка цвета слоновой кости и белая рубашка. Все на нем сидело идеально.

Из-за не покидавшей его, а напротив, набирающей силу, тревоги его сердце вдруг заболело, стоило ему подняться на второй этаж. От резкой боли, походившей на порез ножом, незнакомец чуть было не закричал, но едва он услышал чьи-то отдаленные шаги, все будто остановилось. Слух его обострился настолько, что он слышал даже как шелестели накрахмаленные шторы, ели двигавшиеся от легких, щадящих дуновений майского ветра. Те шаги, стук собственного сердца и кровь, пролившаяся через весь его организм – эти звуки казались ему настолько громкими, что невыносимо заболела голова. Будто какая-то невидимая сила сдавливала его виски, не оставляя возможности ясно думать о дальнейших действиях.

Незнакомец точно знал, какая из дверей ведет в кабинет Анатолия Краснова, и безошибочно вошел в нее. Быстро и беззвучно закрыв дверь, он вздохнул с облегчением. Теперь здесь,

в полнейшей тишине, в сопровождении холодного лунного света и прохладной майской свежести, наполнившей весь кабинет, можно было приступить к поискам нужного украшения.

Кабинет Анатолия Петровича Краснова был просторным и свободным. На столе педантично разложены не многочисленные бумаги, на книжных стеллажах, стоявших у стен, виднелись книги разных размеров и неодинаковой толщины. Дорога от двери до рабочего стола знаменитого ювелира была услана красной ковровой дорожкой.

Он не имел даже представления – где может находиться эта подвеска. Ему было известно только то, что она спрятана где-то в этом кабинете.

На первый взгляд здесь не было и следа каких-либо украшений. Похоже, он ошибся, и подвеска находится вовсе не здесь... Но где же тогда?

Вдруг подступил сильный приступ кашля, избавиться от которого казалось невозможно. Он даже хотел бросить все и выйти из кабинета, как вдруг шаги за дверью стали громче. По приближающейся к двери тени стало понятно – кто бы не ходил по второму этажу, этот человек зайдет в кабинет.

Незнакомец бегло осмотрел кабинет и стал за один из стеллажей, расположенный возле двери. Затем он дрожащей от волнений рукой достал из кармана фрака револьвер. Кашель приходилось сдерживать из последних сил, из-за него незнакомцу даже пришлось вдыхать воздух изредка. Тем временем в кабинет зашли. Это оказался Анатолий Краснов, который пришел доделать появившуюся у него работу. Неизвестный, не имевший более сил дышать, раскашлялся. Краснов от неожиданности подскочил и, повернувшись, направил взгляд в ту сторону, откуда исходил звук.

– Кто вы?! – ужаснулся Анатолий.

Незнакомец, откашлявшись, выпрямился и направил на ювелира револьвер.

– Кто я – знать вам того не требуется, – ответил незнакомец, чувствуя, как в легких исчезает воздух.

– Довожу до вашего сведения, что среди гостей имеется капитан драгунского полка...

– Вам, Анатолий Петрович, напугать меня не удастся. Я пришел за подвеской, которую вы для Александры Федоровны, императрицы нашей, создали. Где она?

– Н-но я не могу отдать вам императорский заказ. – Дрожащим голосом возразил Анатолий Петрович. – Извольте просить нечто другое...

– Ежели отказываетесь, тогда я выстрелю в вас...

– Сие не логично, – осмелился, произнесли Анатолий. – Если выстрелите в меня, то вовек не отыщете подвеску.

– Я выстрелю, уж не сомневайтесь!

Незнакомец положил палец на курок. Рука дрожала от волнения и от понимания того, что скоро закончится воздух. Осталось совсем немного. Но нужно терпеть. Терпеть из последних сил.

В голове Анатолия Краснова закралась леденящая душу мысль: «А, что, если и впрямь выстрелит?»

Конечно, расстроить государя ювелир боялся, но еще сильнее он боялся смерти.

«Государь наш милостив, авось и простит, а коли сейчас не расскажу этому незнакомку – где подвеска, так и помереть могу...» – размышлял Анатолий, пока вор лихорадочно кашлял.

– Ладно уж, скажу вам, где подвеска, – неуверенно, с ноткой испуга и стыда произнес Краснов. – Подле стеллажа с книгами в стене сейф. Дабы он открылся, нужно нажать на камень, расположенный рядом с портретом Екатерины Великой...

Внезапно подступил очередной приступ кашля. Рука в очередной раз дернулась и он случайно нажал на курок. Прогремел выстрел, разрывая тишину. Анатолий не сразу понял, что в него выстрелили. Пуля попала в живот. По белоснежной рубашке растеклась почти черная кровь. Все его тело окутали судороги...

Чувствуя, как он теряет воздух и силы, незнакомец подошел к указанному ювелиром месту и нажал на тот самый камень, о котором сказал Краснов. Там действительно был сейф, а в сейфе действительно была подвеска, со всеми эскизами и описаниями...

Воровато забрав все из тайника, неизвестный посмотрел на уже не шевелящееся тело Анатоля. Тот лежал в луже крови, рука его лежала на месте, куда попала пуля.

«План исполнен, можно уходить...»

Из дневника Анатолия Краснова

Запись от 18 февраля 1849 года

Прежде я никогда не вел дневников, хоть это и является модным. Я всегда считал сие занятие скучным и бесполезным. Но, видимо, с годами ценности и взгляды на жизнь у людей меняются, ведь сейчас я сижу и пишу эту запись.

Пожалуй, нужно описать здесь всю мою жизнь, но, боюсь, не смогу. Мне не интересно описывать то, что со мной произошло. Мне интересно подумать о разных сторонах проблемы, которая меня мучает. Доселе я размышлял только в голове, но сейчас...

Что меня заставило начать вести дневники? На днях мне довелось прочесть дневники моего отца, где он говорил обо всех переживаниях и мыслях. Это целая стопка толстых тетрадей, лежащая на чердаке в самом дальнем и пыльном углу. Прочитав их, я понял – чего хочет от меня мой отец. Он мечтал, что я стану военным. Часто писал, как представляет, будто я состою в Императорском полку на службе. Как больно мне было сие читать. Я не исполнил его грез, ведь, отучившись в гимназии, подался на работу преподавателя в гимназии, где проработал достаточно долго. Работа эта не доставляла мне особого удовольствия. Жалование было не большим, всего 83 рубля в месяц. Недавно во мне проснулась доселе неведомая мне решительность, и я осмелился бросить работу в гимназии. Я стал заниматься тем, чем желал заниматься всю жизнь. Я пошел по стопам отца и продолжил дело его жизни – я стал ювелиром.

Сей дневник, я пишу для того, что бы мои дети, когда меня уже не будет на этом свете, прочли его, как когда-то я прочел дневник моего отца. Пожалуй, это не совсем честно и правильно, ведь человек должен писать в дневнике самые сокровенные вещи, самые страшные, постыдные тайны. Одним словом – все то, о чем нельзя ни с кем говорить, а я же... Порой мне кажется, я делаю и думаю противоположно тому, как думают и делают все остальные.

Мой отец погиб, когда мне было всего два года. Моя матушка осталась одна со мной. В управлении хозяйством и в ювелирном деле она ничего не понимала, а управляющим, которые могли бы следить за именем, ни мама, ни папа не доверяли. С каждым месяцем долги мамы, что она брала на пропитание у соседей и знакомых, росли, а хозяйство перестало приносить хоть какой-то доход. Единственным выходом для моей матери было выйти замуж во второй раз. И она это сделала. Ее вторым мужем и моим отчимом стал граф Мендельферд – отставной генерал-майор с небольшим жалованием, но зато в нем был явным талант в управлении хозяйством. Всего за полгода он поставил на ноги все наше хозяйство, оно стало приносить хорошие доходы. Мама была переполнена благодарностью к графу и боготворила его. А в моей душе сразу же закрались сомнения и тревога – отчего же граф Мендельферд, про которого в обществе ходит дурная слава, так рьяно помогает нам? Александр Мендельферд всем известен своими бесконечными скандалами и гулянками. Где бы он ни появился, там всегда будет затеян скандал, а зачастую и дуэль. Выбора у моей мамы не было. Она вышла замуж за первого же, кто позвал. Большую часть своей жизни он проводил в Париже – приезжал лишь несколько раз в год. Именем и всеми делами управлял проверенный графом управляющий.

Годы шли, а я все не мог разгадать замысел моего отчима. Мое желание стать ювелиром неумолимо росло, вопреки тому, что моя мама твердо повторяла – я буду военным...

Запись от 21 февраля 1849 года

В день, когда мне исполнилось 19 лет, моя мама погибла от сильной лихорадки, мучавшей ее уже несколько месяцев. Граф Мендельферд даже не соизволил прибыть на ее похороны. Когда мне исполнилось 20 лет, из Парижа мне пришло письмо, где говорилось, что граф Александр Демьянович Мендельферд погиб от сердечного приступа.

Его план я и по сей день не поведал. Но лишь сейчас я начинаю думать, что не было никакого плана. Может, бескорыстная помощь человека в нашем беспощадном мире кажется какой-то ловушкой.

Надо сказать, что я был счастлив, когда, наконец, решился бросить гимназию и продолжить дело отца. Меня всегда интересовали драгоценные камни, мне было интересно о них читать, смотреть на них, наблюдать, как они преломляют свет.... Мне нравилось все, что связано с ювелирным делом...

И даже сейчас, когда я являюсь одним из лучших мастеров Санкт-Петербурга и Москвы, я не утратил своего интереса к ювелирному делу...

Понедельник

*28 сентября 2015 года
Санкт-Петербург, Россия*

Только миновав ограду и ступив на мощеную дорожку, ведущую прямо к дому, Элеонора утонула в океане воспоминаний. В голову полезли обрывки из памяти про то, как строилась эта усадьба. В XIX веке ювелиру Петру Краснову императором Александром I было подарено имение, стоявшее на этом месте. Оно простояло до 20-х годов XX века. Тогда началось раскулачивание. Красновым удалось скрыться, притворившись крестьянами, тем самым защитив себя от смерти, а от имения не осталось и камня на камне.

Но во второй половине 30-х годов здесь была построена небольшая изба-читальня, а потом к ней и была пристроена колхозная школа. В военное время там расположился военный госпиталь. В 1942-м году, когда произошла блокада Ленинграда, в этот госпиталь попал снаряд, в результате чего погибло много раненых. И только в 1970-х годах родители Элеоноры – Арина и Борис Красновы отстроили усадьбу, максимально приближенную по виду к имению князя Краснова.

Она быстро прошла по мощеной дорожке к дому, подобно обиженному ребенку, склонив голову. На сад она смотреть не хотела, уж больно был тяжелый чемодан.

Элеонора Краснова вошла в большой холл, освещаемый солнечным светом, проникающим сквозь большие окна, и ахнула. В свои восемьдесят пять лет она уж было думала, что не способна удивляться. Но оказалось – это не так.

Поставив чемоданы возле деревянной лестницы, она вышла из дома и стала на крыльцо, окинув взглядом территорию усадьбы. Некоторые кусты и деревья были без листьев и их ветки уныло качались от сильных порывов осеннего ветра. Очень в этом году наступила резко и рано. Еще неделю назад стояла жара, а сейчас идут проливные дожди и гуляет холодный порывистый ветер. На больших же кустарниках, с большей унылостью, по-осеннему, развивались на ветру желтые листья. Газон был не стрижен, трава иссохла и пожелтела. Картина не красивая.

«Вот, позорище! Да что бы в моем саду царил такой ужас! – думала она. Я, Элеонора Борисовна Краснова, могу простить пыль в доме, но не могу простить неухоженной территории на улице».

Это в ней воспитали ее родители – Борис и Арина Красновы. Они объясняли это так – если к вам придут неожиданные гости, а в доме грязно, их всегда можно отвести в сад в большую и красивую беседку или на веранду. И, так как на улице у вас порядок и чистота, никто и не подумает, что в доме у вас полный бардак.

Элеонора Борисовна прошла в сад. Беседка была под массивным слоем лиан кобеи. Газон был ужасным и неухоженным, а деревья вызвали странное чувство: тоску, смешанную со стыдом. Голые ветки деревьев навивали тоскливые воспоминания, а сухие листья, лежавшие по всему периметру сада, стыд. Больше всего их было на скамейке и в беседке.

– Где эта чертова служанка! – выкрикнула Элеонора, сняв свое фиолетовое пальто.

Элеонора вбежала в дом с криками:

– Анастасия! Настя! А-ну, бегом сюда! Тихонова, иди сюда, кому говорят!

По лестнице спустилась молодая светловолосая девушка в сером платье и с серебряным подносом в руках. На подносе стояло несколько бокалов. Увидев Элеонору Борисовну, Анастасия испуганно дрогнула и чудом удержала поднос в руках.

– Осторожно! – кричала Элеонора, подбежав к лестнице. – Этот поднос – единственное, что осталось от прабабушки Агриппины! Да ты хоть знаешь, кто такая Агриппина Краснова?!

Настя молчала, потому что прекрасно знала, что лучше молчать и терпеть, тогда Элеонора быстрее замолчит.

– Агриппина Краснова-Рудникова – Ева для нашей семьи! – послышался тихий ироничный женский голос.

Элеонора яростно повернула голову. На пороге стояло ее чадо со своей двадцатипятилетней дочерью.

– Дарья! Не смей так говорить о ней! – кричала Элеонора, в пути к своей дочери. – Ты должна уважать своих предков!

Дарья все с той же иронией смотрела на Элеонору. Та, за прошедшие десять лет, хорошенько набрала лишнего веса. Такое отношение дочери к их роду Элеонору жутко злило.

– Мамочка, я тоже рада тебя видеть, – выговорила Дарья и, пошла к лестнице. – Роза, пошли за мной. – Роза последовала за матерью. У них обеих было по два чемодана.

– Как только я могла воспитать такую неблагодарную особу!.. – прошипела Элеонора вслед дочери, и прошла в кухню.

Дарья и Роза поднялись на второй этаж – там оказался просторный круглый зал. В нем было девять дверей, на каждой двери висела табличка с их именами (для каждого была определенная спальня). Между дверьми было девять окон в полный человеческий рост. Золотые узоры на дверях смотрелись очень красиво, и когда смотришь на всю эту красоту, кажется, что ты не в поместье под Петербургом, а в волшебном замке. Золотые люстры с хрустальными плафонами в форме зажженных свечей придавали этому залу стати и престижа.

– Слишком вычурно, – промычала Роза и подойдя к двери, на которой висела табличка с ее именем, вошла внутрь, громко закрыв за собой дверь.

Дарья заворуженно осматривала этот зал. Она подошла к круглому дивану в центре зала на него.

Резко все оборвалось. Дарья Краснова перестала о чем-либо думать и больше не видела ничего – только темноту. Темный туман нещадно поглотил ее, невзирая на сопротивление...

– Мам, мама проснись! – послышался взволнованный голос Розы во тьме.

Дарья с трудом подняла тяжелые веки и увидела смазанное, не четкое изображение реальности.

Она лежала в своей кровати, на краю которой сидела Элеонора со счастливым выражением лица. Подле нее, на противоположном краю кровати сидела Роза. Ее-то лицо оказалось испуганным и было видно, что она плакала.

Комната в форме восьмиугольника. Кровать Дарьи была круглой, как и все в этой комнате. Стоял стол и шкаф из массива красного дерева. Потолок в форме купола, а в центре висела роскошная люстра, как в зале. Окна, как и во всем доме, арочные, во весь человеческий рост. Из окон бил солнечный свет, который придавал бежевым стенам, полотку с золотыми узорами и картинам уличных художников Франции неопишуемой красоты и роскоши.

Дарья лежала, укрытая мягким пуховым одеялом, пытаясь придумать хоть одну фразу, сказав которую, она не выглядела бы глупо. Роза, когда умер Алексей – муж Дарьи и отец Розы, никакого вида, что скорбит, не подавала, а Дарья каждое утро просыпалась с мыслями о том, что единственный человек, которого она любила больше никогда не обнимет ее, не поцелует и не скажет, как сильно любит. При жизни он каждый день – утром и перед сном – всегда повторял «Я люблю тебя!». И Дарья твердо знала, что муж говорит всегда искренне, она чувствовала ту любовь, которую несли эти слова.

– Что со мной случилось? – спросила Дарья.

Получилось как-то излишне театрально. И ей самой стало не по себе.

– А ты не помнишь? – огрызнулась Элеонора. – Ты своего ребенка чуть до сердечного приступа не довела!

«Да, голос у нее как у лягушки» – подумала Дарья и сразу же укорила себя, – разве можно так думать о своей матери? Какая-никакая, а она все ж моя мама».

– Мам, ты сознание потеряла. Прямо на том диване. А еще у тебя кровь из носа шла.

– Так, вот почему у меня голова закружилась! – выговорила Дарья совсем уж не естественно и схватилась за горячий лоб.

– Кстати, а где твой дурной муженек? – с сильным желанием сделать дочери гадко, спросила Элеонора. Она думала, что он бросил их, и хотела поковырять большую рану дочери.

– Он умер год назад, – ответила Дарья, сглотнув подступающий к горлу ком. Она почувствовала, что сейчас слезы посыплются градом, но все-таки сдержала их.

– Так ему и надо! – воскликнула Элеонора и пулей выбежала из спальни Дарьи.

* * *

Этим утром все было как всегда – холодный душ, черный кофе без сахара, и выборы наряда для похода на работу. Работала Варвара Стрельцова в Санкт-Петербургской галерее живописи. Ломая все стереотипы, она никогда не ходила с неулаженной прической, не повторялась в одежде. Хоть и гардероб ее был выдержан в деловом стиле, Варвара выглядела стильно и оригинально. Ее темные волосы были модно коротко пострижены, у нее были добрые зеленые глаза. Варвара была миниатюрного роста. Практически вся обувь у нее на высоких каблуках. Сегодня она надела черные брюки, белую блузку, черный жакет и черные туфли на высоком каблуке.

Варвара вышла из белого двухэтажного дома, который подарила ей ее мама на свадьбу... расположенного под Санкт-Петербургом, к своей черной дорогой Ламборджини, стоявшей возле высоких ворот. Варвара села за руль и поехала на работу – в город. Работает она арт-критиком, но при этом частенько читает лекции, заменяет некоторых экскурсоводов, а в свободное время оценивает разные предметы живописи. Платят не очень много, но она еще и дает консультации по живописи, оценивает мелкие предметы искусства для частных коллекций. Ее мать, которая живет в Риме. Мать всегда хотела, что бы ее дочь стала юристом, в идеале – адвокатом, ведь ответ Вари – Дмитрий, как раз был блестящим адвокатом, которого страшлись все обвинители. Искусствоведом Стрельцова хотела быть всегда. Но сначала получила юридическое образование, чем вызвала у матери сильнейший восторг...

Парковка возле галереи была пустой и она без проблем припарковалась.

В фойе с ней чуть не столкнулся темноволосый мужчина средних лет, в черном, немного помятом, костюме. На руке виднелись дешевые часы.

– Здравствуйте, Варвара Дмитриевна, – четко произнес он.

– Доброе утро, Михаил Иванович, – ответила она, неестественно улыбнувшись.

Варвара сразу зашла в кабинет Виктора Ерошина – директора галереи. Стоял душный воздух, наполненный запахом растворимого кофе и пыли. Кабинет был весь в коричневых и темно-зеленых тонах. На стене возле стола Ерошина висела голова оленя.

Ерошин сидел за столом и замороженно смотрел в монитор компьютера. Она же поставила сумку на кресло напротив ерошинского стола, и достала из сумки белый тонкий ноутбук.

– Здравствуйте, босс, – сказала она, когда уже села на удобный темно-зеленый диван возле книжного стеллажа.

Он на секунду оторвался от монитора. Ерошин, сказав коротко «Доброе утро, Стрельцова», обратно повернулся в сторону монитора. Виктор Ерошин и Варвара Стрельцова хорошо дружат и между ними никогда не было той дистанции, какая есть между начальником и подчиненным.

В ноутбуке она проверила свое расписание – на сегодня запланировано всего три встречи. Первая начинается через час. Она посмотрела на время в ноутбуке – 8:32.

Она закрыла ноутбук и жалостливо спросила Виктора:

– Когда же мой кабинет будет готов? Ремонт идет не один месяц. Сколько можно?

Ерошин громко выдохнул и, закрыв свой ноутбук, устремил на Стрельцову свой взгляд.

– Варвара, есть разговор.

– На счет чего?

– Мне сегодня гость французский звонил... и... сложно об этом говорить...

– Говорите, Виктор Сергеевич.

Он тяжело вздохнул, собираясь с силами.

А Варвара тем временем вспомнила того самого гостя. Он оживленно звал ее на работу.

– Так вот. Этот гость – представитель Парижской галереи, позвонил мне и сказал, что готов предоставить тебе место в галерее Поля де Мона.

Она не могла в это поверить, но потом сразу же взяла себя в руки. Надо же, ее зовет к себе работать сам Поль де Мон¹! Он владеет одной из самых крупных галерей живописи во всей Европе.

– А зачем ему я? – заволновалась Варвара Стрельцова.

– Ты ему понравилась. У него в галерее, как он сам говорит, работают лишь профессионалы своего дела. Профессионалы, готовые с головой уйти в работу. А ты именно такая.

– И как он это понял?

В кабинете повисло молчание.

– Это ты ему разрекламировал меня! – вмиг разозлилась Варвара.

Он набрался смелости. Прошла одна, максимум две секунды, ничего на первый взгляд не значащие. Но на самом деле в голове Ерошина прямо таки была настоящая битва! Одна его половина не хотела отпускать сотрудницу. Все же она стала ему родной, стала как дочь. Да и работала она прекрасно. С другой стороны: ему хотелось, что бы она была счастлива. А счастливей она будет с большей зарплатой и перспективами. Она должна расти. Хочешь-не хочешь, а отпустить ее надо!

– Ну, Варя! А ты сама не желаешь работать в одной из лучших галерей Европы?! Такой шанс бывает лишь раз в жизни! Да и то, далеко не у всех! Стрельцова, пойми, такие люди как де Мон далеко не каждый день кому-то предлагают работу. – Идя против себя и своих интересов, произнес Виктор Ерошин.

И только она открыла рот, чтобы ответить, как вдруг в кабинет вошел худой и высокий мужчина в хорошо сидевшем дорогом черном пальто и шляпе, а на шее был туго завязан серый шарф. На вид ему было пятьдесят лет. Только увидев Варвару, он загадочно улыбнулся. Следом за этим господином вошел тот самый представитель галереи Поля де Мона, приходивший сюда. Тот был полноватым, высоким, в мешковатом сером пальто. От того, кто вошел первым, исходил запах дорогого парфюма, а на его руке виднелись дорогие золотые часы.

– Bonjour Madam. Je suis heureux de vous voir², – произнес, улыбаясь, господин в сером шарфе.

– Bienvenue, sieur de Monts³, – выговорила Стрельцова, повернувшись лицом к этому мужчине, одев на лицо гостеприимную, широкую улыбку.

– Чего? – по-идиотски спросил Ерошин, не знавший французского языка. Обычно он ходил на международные переговоры с переводчиком.

– Sieur de Monts, mon patron m'a dit à propos de votre offre⁴. – Произнесла Варвара без единой запинки.

---

¹ Человек и его галерея являются выдумкой автора. Любые совпадения случайны.

² Здравствуйте, мадемуазель. Я рад вас видеть. (*франц.*)

³ Здравствуйте, месье де Мон. (*франц.*)

⁴ Месье де Мон, мой начальник рассказал мне о вашем предложении. (*франц.*)

– Oh, oui, madam, et quelle est votre solution?⁵ – спросил Поль.

– Je ne suis pas sûr⁶... – Je peux penser à dimanche?

– Bien sûr. A annoncé sa décision dimanche. Je serai toute la semaine à Petreburge⁷. – Он сунул руку в карман пальто, а затем протянул ей визитку какого-то отеля. – Ceci est l'hôtel où je logeais. Barbara, je ne vais pas interroger maintenant, je pense qu'il serait préférable de le faire lorsque vous êtes d'accord.

– А теперь месье де Мон хотел бы поговорить о покупке некоторых картин с Виктором Сергеевичем, – проговорил переводчик месье де Мона.

– S'il vous plaît pardonnez-moi, mais je vais bientôt visiter⁸.

Варвара, взяла свою сумку и вышла из кабинета Виктора Сергеевича.

* * *

Дмитрий встал с кровати и, совершив весь утренний ритуал, направился на кухню. Там его ждала женщина в синем облегающем платье с длинными светлыми волосами. Она сидела возле мини-бара и пила из его бокала виски. Когда Дмитрий Зубов увидел, что она пьет из его бокала, Зубов в момент рассвирепел. Утром он всегда злился, но за многие годы жизни научился управлять этой злостью, но сейчас... его бокал достался ему от отца, это было единственным напоминанием о нем, а она, Раиса Зубова, пьет что-то из этого самого бокала.

– Поставь его немедленно! – крикнул он, подбегая к ней.

– В чем дело? Не смей на меня орать! Ты забыл, мой дорогой, на чьи деньги ты живешь? – спросила она тихо, но при этом угрожающе.

Макияж у нее был идеален. Она поставила ногу на ногу и еще раз, теперь уже демонстративно, отпила из бокала.

Дмитрий подбежал к ней и, выхватив из рук бокал, кинул его на пол. Бокал разлетелся вдребезги и виски впитался в белый ковер.

– Ах, ты... я этот ковер в Индии купила! – закричала она.

– Не ври! На рынке, тут, за углом купила! Думаешь, я не знаю правду про твою поездку в Индию?! Знаю! К любовнику ездила...

Она ударила его кулаком в живот и пошла к лестнице. Она – его жена, Раиса.

Он стоял и держался за живот. Больно она его ударила. Тут зазвонил телефон.

Он достал телефон из кармана пиджака и поднес к уху.

– Алло! – спокойно, но с тенью злости, ответил на звонок Дмитрий Зубов.

– Дмитрий Серафимович, доброе утро, – послышался тихий женский голос, – когда Вы планируете прибыть в офис?

– Что-то случилось?

– Пришел человек, говорит, биограф семьи Романовых.

– И что ему нужно? – напрягся Дмитрий.

– Он хотел поговорить о какой-то пропавшей подвеске XIX века. Он сказал, что Вы должны об этом знать.

– Интересно, откуда?! – сорвался Дмитрий, и тут же попытался взять себя в руки.

– Дмитрий Серафимович, я не знаю! Я сказала то, что меня просили передать. – Обиженно произнесла секретарь Зубова в трубку. – Так, что передать гостю, когда вы приедете?

---

⁵ О, да, мадемуазель, и каково ваше решение? (франц.)

⁶ Я еще не уверена... Я могу подумать до воскресенья? (франц.)

⁷ Конечно. Сообщите о своем решении в воскресенье. Я буду всю неделю в Петербурге, – Это отель, где я остановился. Варвара, я не буду проводить собеседование сейчас, думаю, это лучше будет сделать тогда, когда вы согласитесь.

⁸ Прошу меня простить, но у меня скоро экскурсия.

– Через час-два. – Коротко ответил Дмитрий.

Дальше он услышал лишь короткие гудки.

Зубов спешно положил телефон в карман пиджака и, выйдя из дома, сел в свой черный джип, и поехал на работу. А работает он в маленькой компании, которую он открыл сам. Она занимается изучением и экспертизой ювелирных украшений. Дело не очень прибыльное, но каким-то чудом они до сих пор держатся на плаву.

Весь антикварный ювелирный салон вместился в одно маленькое двухэтажное здание.

Он припарковался возле входа, захлопнул дверь своего джипа и пулей влетел в здание.

Секретарша Светочка сидела за своей стойкой, сортируя папки на рабочем столе, изредка настукивая ярким маникюром по клавиатуре. Неподдалеку маялся от ожидания неизвестный посетитель, солидный мужчина лет тридцати в мешковатом дешевом сером костюме. В крошечном фойе стоял свежий, но в то же время наполненный какой-то необъяснимой атмосферой старины, свойственно исключительно антикварным и букинистическим лавкам, воздух.

Светлана не так давно была любовницей Дмитрия, и этот факт он даже не пытался скрывать. А зачем? Такого все равно не скроешь, так зачем напрасно нервы и силы тратить...

Она была черной узкой юбке и белой блузке. Волосы у нее, как и у его жены Раисы, были светлые и длинные. Но у нее они были стянуты в тугий хвост.

– Здравствуйте, Дмитрий Серафимович, это наш гость, Станислав...

– Станислав Аркадьевич, – протянув руку для рукопожатия Дмитрию.

– Зубов, Дмитрий Серафимович, – представился Дмитрий и не желая пожал гостю руку.

Он по-прежнему злился из-за надоедливой жены.

– Что вам угодно? – спросил Зубов.

– Я пришел по поводу одной золотой подвески. Она была создана в 1851 году, по просьбе Николая I для его жены Александры Федоровны. И утрачена в том же году. Я хотел бы узнать о ней...

– Позвольте спросить, Станислав Аркадьевич, почему вас так интересует именно эта подвеска? – спросил слегка раздраженно Дмитрий Серафимович. – Я хочу сказать, что в период революции многие украшения царской семьи были утеряны... Так, почему именно эта подвеска? И отчего вы решили, что я могу помочь вам, я не искусствовед, не историк...

Станислав Аркадьевич замешкался.

– Мне требуется ювелирное описание изделия. Сколько примерно стоит, и так далее...

– Хм, Вы понимаете, чего Вы хотите? Я должен составить описание какой-то там подвески, которая пропала почти два века назад! – опять рассердился Дмитрий Зубов.

Станислав Аркадьевич открыл рот, но ничего не придумал, чтобы ответить.

– Поймите, я должен выяснить все об этой подвеске, – жалостливо промычал Станислав. – Я должен.

– Зачем?

– Понимаете, украшение было создано специально для Александры Федоровны, жены Николая I.

– И что?

– То, что я биограф семьи Романовых, и просто обязан иметь всю информацию об этой подвеске. Я обязан раскопать всю информацию об этой подвеске и должен понять, кто ее украл.

– Разрешите полюбопытствовать, как описание изделия поможет вам найти ее?

Он глубоко вздохнул, Станиславу Аркадьевичу явно надоело уговаривать ювелира.

– Вы поможете? Будьте уверены, я хорошо заплачу.

Дмитрий задумался, а потом, снисходительно вздохнув, коротко произнес:

– Да помогу.

Все же аргумент, что Станислав Аркадьевич хорошо заплатит, заставил его согласиться. Тем более исследование подвески помогут отвлечься от мыслей о Раисе.

* * *

Он вошел в свой кабинет и сразу покосился на трех коллег, сидевших за своими столами.
– Привет всем, – пробормотал он и, пройдя к своему столу, сел за него и включил компьютер.

В ответ – молчание.

Вдруг в кабинет вошел лысый мужчина тридцати лет в спортивном костюме.

– Поляков Владимир Сергеевич тут сидит? – спросил этот мужчина.

– Здесь. Откуда вы знаете мое имя? – спросил Владимир Сергеевич Поляков.

– В дежурной части сказали. – Ответил мужчина. – Велели к вам обратиться.

Владимиру двадцать четыре года, он всего лишь год работает в полиции, а до этого был практикантом. Он среднего телосложения, светлые, короткие волосы, не женат. Клянется всем, что никогда в жизни не женится. Живет в большом доме за чертой города, обожает домашних животных, но с его работой собаку или кошку дома не заведешь. День рождения ненавидит и не празднует. Просто потому, что даже не помнит этой даты...

– С чем пожаловали? – спросил Поляков, лениво.

– Да, обчистили хату мою, а потом обнаружил невесту мою мертвую, Володька. Заяву катать буду.

– Я вам не Володька, а Владимир Сергеевич. Обратитесь к Резнецкому, – и указал на сорокалетнего мужчину за соседним столом.

Коллега непонимающе взглянул на Полякова.

– А чего не к тебе? – спросил Резнецкий обиженно.

Он глубоко вздохнул. Не занимается он скучными кражами. Он занимается интересными делами: маньяками, серийными убийцами. Никак не воры, случайно убившие какую-то там девушку! Вот только Владимира Полякова как холодной водой окатили, когда он понял, что оперативник – это не то, что показывают в сериалах и фильмах. Нет. Интересных убийств нет (практически нет). Вообще, такое определение, как «интересное убийство» в полиции считают не приемлемым. Ведь убийство – значит, кого-то убили. А смерть человека – трагедия. Но для Владимира Полякова не бывает траура. Для него труп – рабочий материал. За это его и недолюбливают.

– У меня итак есть другое дело, а ты свободен, – отоврался Поляков и включил в компьютере пасьянс «Паук».

Потом, когда гость уже уселся напротив стола Резнецкого, и когда Поляков уже проиграл пасьянс, он решил пойти покурить. А Резнецкий злобно смотрел на уходящего стажера-оперативника.

Выйдя из кабинета, он сразу подумал – нет, я ж бросил курить. И только повернулся, чтобы снова войти в кабинет, как вдруг махнул рукой и пошел к выходу. Захотелось подышать свежим воздухом.

Да, за целый год его работы здесь ни разу даже не было «интересного убийства». Вот бы сейчас подвернулось какое-нибудь дело, чтоб без наркоманов и алкоголиков.

Помогать Ломову – сегодняшней «жертве» Поляков не желал. Тот слой населения, к которому принадлежал Ломов вызывал у Владимира Сергеевича отторжение и ненависть.

«Могу поспорить, Ломов сам виноват в том, что его обокрали, – думал Поляков. – Он сам не одну квартиру обокрал и не одного человека убил! Я хочу помогать тем, кто реально нуждается в моей помощи. Тем, кто никого не убил и кто никого не обворовывал».

* * *

– Все на обед! – крикнула Элеонора Краснова, сидевшая во главе длинного стола в столовой. – Быстро!

В столовую сразу же вошла Роза, и Элеонора, не теряя времени, прошептала:

– Где твоя мать?

Роза спокойно села на четвертый стул справа от Элеоноры. Она не хотела разговаривать со своей «любимейшей» бабушкой.

– Ты слышала вопрос?! – гаркнула Элеонора, стукнув по столу.

– Да! Слышала! Я не хочу с вами разговаривать! – ответила угрожающе Роза.

– Что? Ах ты мелкая...

– Нет. Не смейте оскорблять меня и мою мать. Вы поняли?

– Твоя мать – моя дочь! А ты не смей мне указывать, как общаться с дочерью!

– Если эта дочь – моя мама, то буду! Я буду Вам указывать, как общаться с ней!

– Ах ты, малявка! Я сотру тебя в порошок! – скривилась Элеонора.

– Хм, давайте закончим нашу беседу. Я вас услышала, надеюсь, что и вы меня услышали.

Тут в столовую вошла светловолосая, высокая женщина пятидесяти семи лет. Она была не одна, а с темноволосым высоким мужчиной, одетым в черный дорогой костюм. На вид ему было лет пятьдесят пять.

– Привет всем, – произнесла она.

– Привет, тетя Лена, – произнесла Роза.

Это была Краснова Елена Яновна. А кто этот мужчина?

– Лена, а кто это с тобой? – спросила Дарья, входившая в столовую.

– Максим Кроевонич, польский бизнесмен. Подробнее расскажу за столом. – Бегло сказала Елена Краснова.

Елена повернулась к Дарье, и они обнялись.

– А вы уже обедаете? – ответила Елена, усаживаясь за стол. Ее спутник сел рядом.

– А кого мы еще ждем? – спросила Дарья, усевшись напротив Елены.

– Марту и Сару с ее муженьком, и Костю, – ответила Элеонора.

Константин Краснов – единственный человек в их роду, на кого Элеонора не кричит. Но Константин умер в авиакатастрофе.

Сразу после ее слов в столовую вошли люди того же возраста, что и Элеонора – Сара, Марта и Ян (муж Сары).

– Привет всем, – сказала Марта.

Марта и Сара были почти в одинаковых платьях, а Ян Станиславович был в синем костюме.

Все сели за стол.

– Ну, наконец-то, можно поесть, – произнесла Дарья.

– А тебе лишь бы только поесть! – воскликнула Элеонора.

Дарья с трудом удержалась, чтобы ничего не ответить маме, а Роза лишь косо глянула на Элеонору, накладывая себе в тарелку салат с красной рыбой.

– Фу! – прокричала Элеонора, выплевывая салат, – что за помои! Настя! Ну, эта негодяйка у меня сейчас попляшет!

– Мам, перестань. Вон, попей вина! – сказала Дарья, не желая слышать криков Элеоноры.

– Народ, – громко сказала Елена, улыбаясь, – у меня для вас новости. Думаю, вы все заметили мужчину, с которым я сюда приехала из Польши. Его зовут Максим, – она указала на своего спутника, – он бизнесмен, занимается изготовлением детских игрушек, работает в Польше.

Дарья посмотрела на Максима. Она его даже не заметила.

– А почему Максим, а живет в Польше? – задала она существенный вопрос.

– Он русский. Просто бизнес открыл в Польше из-за матери. Его мама родом из Польши, и после смерти отца Макса, потребовала переехать на ее родину, – ответила Елена.

– Тряпка, да еще и немой! – прошипела Элеонора, взглядом разорвав в клочья Елену и Максима.

– Так, вы значит, муж и жена? – спросила Марта, улыбаясь.

Марта вовсе не выглядела на свои годы. Максимум ей можно было дать не более пятидесяти пяти лет.

– Нет, нет, тетя Марта, это мой жених. Через месяц планируем свадьбу, – ответила Елена.

– Лена, – тихо произнесла Элеонора, – надеюсь, твой этот...

– Максим, – подсказала Елена.

– Да, Максим. Надеюсь, Максим возьмет твою фамилию?

Наступила тишина. Все знали, что Элеонора готова пойти на все, лишь бы сохранить фамилию и род Красновых. Дарья и ее супруг сразу согласились сделать так, как приказала им Элеонора. Но Елена с детства была не такой.

– Элеонора, – с легким акцентом произнес Максим, – я не хочу вас расстраивать, но Лена возьмет мою фамилию.

Он наклонился к тарелке. Глаза Элеоноры загорелись яростью, и Дарья вмиг поняла, что сейчас Элеонора «взорвется». Дарья встала и подбежала к Элеоноре. А сама Элеонора схватила большой нож и замахнулась на Елену. Она выронила бокал с красным вином, а Максим застыл.

– Мама! – крикнула Дарья, пытаясь выхватить нож у Элеоноры.

– Отстань! – воскликнула Элеонора и резко поранила руку Дарьи ножом.

Кровь моментально начала капать с ее руки. Роза бросилась к матери что бы помочь, а Дарья поспешила наверх (в ванную).

– Эля! – крикнула Сара, – ты с ума сошла?!

Ян испуганно смотрел на Элеонору, которая бросив окровавленный нож на стол, пошла в свою спальню.

– Она сумасшедшая? – спросил Максим серьезно, без тени иронии.

– Похоже на то, – сказала, словно окаменевшая, Елена.

А Дарья мигом, не теряя времени, сделала давящую повязку на поврежденный участок руки, тем самым остановив кровотечение. Элеонора попала по вене. Было больно. Даже не физически, нет. Морально. Ее мать порезала ей руку ножом, задев вену, а вместо того, чтобы попросить прощения, она просто безразлично смотрела на нее. Элеонора была такой всегда. Даже когда Дарью отправляли в первый класс. Все родители обнимались со своими детьми, а Элеонора просто говорила:

– Если заревешь, то покажешь всем, что ты – тряпка. Об тебя все, всю жизнь, будут вытирать ноги! Не реви!

Дарья Краснова старалась никогда не плакать. Никогда. Ни от радости, ни от горя. Даже на похоронах мужа пыталась не плакать. Просто стояла и смотрела, а хоть из последних сил держалась. Да, на похоронах не плакала, но потом... каждый раз приходила на кладбище и сразу же начинала безутешно рыдать. И до сих пор не понимает, как тогда, на похоронах она смогла сдержаться и не заплакать. Но вот сейчас – она не сдержалась и заплакала. Она держала руку под ледяной водой и рыдала. Рыдала в голос. Так, как никогда не рыдала.

* * *

– Я готов дать полное описание этого украшения, – выговорил Дмитрий, сидя за рулем своего джипа. Он застрял в пробке.

– Когда? – спросил собеседник в трубке. Это был Станислав Аркадьевич.

– Завтра, – не задумываясь, ответил Дмитрий.

– Хорошо, я Вам завтра позвоню, – ответил Станислав Аркадьевич, явно ожидавший от Зубова другого ответа.

Начало смеркаться. Солнце, то прятавшееся за темными облаками, то вновь освобождавшееся от них, почти совсем спряталось за горизонт.

А сам Дмитрий приехал домой, где его ждала его нелюбимая жена Раиса. Она сидела за обеденным столом и ела. Все в том же платье, с той же прической.

– Привет, – тихо пробормотал он.

Она промолчала.

Дмитрий сел напротив нее за маленький круглый стол.

– Нам надо развестись, – вымолвил он.

Раиса посмотрела на него.

– Я согласна, – сухо сказала она и отпила кофе из своей белой кружки, на которой виднелась практически стертая черная надпись «Я лучшая!»

– Ты даже не спросишь, почему? – удивился Дмитрий.

Она усмехнулась.

– А мне все итак предельно ясно! Да, была у нас когда-то любовь, никто и не спорит. Вот только ее больше нет. Есть лишь привычка.

Раиса молча встала из-за стола, сняла свое кольцо, которое подарил ей он возле Биг Бена, и положила его возле руки Дмитрия.

– Прощай, Дима, – сказала она, будто сейчас заплачет, и поднялась наверх.

Прошло два часа. Он уже сидел на диване в гостиной и пытался по фото составить подробное описание подвески, про которую спрашивал Станислав Аркадьевич. Он, случайно повернувшись, увидел, как она спускается по лестнице с чемоданами. Бросив все, он побежал к ней.

– Ну, и где ты будешь жить? – заботливо спросил Дмитрий.

– Не пропаду, – огрызнулась Раиса, – я ведь и сама неплохо зарабатываю!

Она быстро вышла из дома.

А он стоял на месте и думал о принятом им решении. Правильно ли он поступил, когда заговорил с ней о разводе? Может, они бы могли еще вместе пожить? Хотя, последние полгода они друг другу только мешали.

– Я все правильно сделал, – пробормотал себе под нос Дмитрий и пошел обратно – заниматься рабочими делами. – Правильно, но...

На его душе остался какой-то осадок. Было здесь нечто неправильное, вот только, что...

* * *

Она вошла в свой дом, когда вспомнила, что у нее в доме нет даже намека на что-нибудь сладкое – к чаю. Она схватила ключи с тумбочки, вышла из дома и остановилась на крыльце. Ближайший магазин не близко, а уже сумерки. Может, поехать на машине? Но потом она решила прогуляться, и пошла пешком. Этот самый ближайший магазинчик находится прямо возле психиатрической лечебницы, граничившей с дачным поселком, в котором жила Варвара. Было как-то жутко идти возле лечебницы, когда уже стемнело.

Когда она оказалась около ворот лечебницы, прямо перед ней остановилась машина «скорой помощи». Из машины вышли двое молодых санитаров, которые вели лысого мужчину средних лет, бьющегося в конвульсиях. И когда один из санитаров взглянул на нее, ей тут же стало не по себе. Она с детства презирала и боялась врачей.

Они прошли мимо нее, один из санитаров даже случайно толкнул ее. У нее из рук тут же выпали ключи и телефон. Она присела на корточки, чтобы поднять свои вещи. И санитар

в свою очередь тоже присел и стал смотреть ей прямо в глаза. Подняв все, она встала. Он все еще смотрел на нее, но уже снизу.

– В чем дело? – спросила она, настороженно.

– Я вас где-то видел, – промычал он, вставая.

– Я работаю в галерее живописи.

– Я не хожу туда.

– Может, на улице пересекались, – ответила она, улыбаясь, и продолжила свой путь.

Варвару эта встреча очень сильно напугала. Она очень боится врачей и больниц, особенно больниц. Купив пакетик шоколадного печенья, которое очень любила, она спешно вернулась домой.

Ночь

*С 28 на 29 сентября.
Санкт-Петербург, Россия*

До

Вечер выдался весьма долгим и волнительным. Но еще более волнительной будет ночь. Будет совершено первое убийство и никто этому не помешает.

Радость сменялась тревогой и волнением. В голову лезли глупые мысли о неправильности ее выбора. Но все это полная ерунда, и она об этом знала как никто другой.

Да даже если бы она передумала – уже поздно что-либо менять. Первые шаги уже совершены. Те, самые первые и неуверенные, как у тех детей, которые только научились ходить. Только для нее это не те первые шаги и давнего детства, а другие – в страшную и всепоглощающую пучину грехов – убийств. И не простых убийств, а самых что ни на есть зверских и нечеловечных.

Но именно убийство было тем самым утешающим, заглушающим боль, призом, за который она собиралась бороться до конца.

После

Последние несколько лет он проводил ночи совсем по-другому. Но сегодня как-то уж слишком хотелось спать, но сердце выскакивало из груди и это не позволяло уснуть.

Убийство наконец-то совершено. То, что так долго планировалось, произошло за считанные минуты. Так всегда. И к чему те тревоги и сомнения?

Ему было противно вспоминать про то, что в какой-то момент даже хотел все бросить и забыть. Забыть про планируемые убийства и месть. Не нет. Он не забыл – решил довести начатое до конца.

И он даже представить не мог, как сладостно осознание того, что ты убил человека. Как прекрасно чувствовать ту безграничную власть над человеком. Когда ты решаешь: кому жить, а кому – нет. Когда все тебя боятся, а не насмеются...

Из дневника Агриппины Красновой

Запись от 10 мая 1851 года

Когда я впервые увидел ее, понял, что впервые в своей жизни по-настоящему влюбился. Она была прекрасна. Даже, в какой-то степени, идеальна. Ее яркие зеленые глаза, ее длинные русые волосы, ее стройная фигура, все было идеально. Я сразу же стал тщательно продумывать, как к ней подойти, как с ней заговорить. Но мне будто что-то мешало. Такого никогда прежде со мной не случалось. Она была для меня слишком прекрасной, слишком идеальной. Мы увидели друг друга и не могли перестать смотреть. Потом она, поправив свою шляпу, медленно стала подходить ко мне. А я по-прежнему не мог пошевелиться.

Это был полдень 17 июля 1946 года. Я помню все до мельчайших деталей, будто это было вчера. Я никогда прежде не испытывал таких сильных чувств. Это произошло на ярмарке.

Сквозь толпу она наконец подошла ко мне. Мы стояли близко, по-прежнему молча. Через некоторое время я прервал молчание.

– Сегодня очень красивый день. – Немного подумал. – Вы согласны со мной, госпожа...

Она посмотрела на ярко-голубое небо, слегка испорченное темно-серыми пятнами, имеющими облаками.

– Вы правы, месье, – согласилась она, слегка кивнув головой.

Я помню ее голос, такой новый, незнакомый, но уже полюбившийся. Это был самое прекрасное мгновение за всю мою жалкую жизнь. Она была просветом, который мог меня спасти от самого себя...

Родители Агриппины были против нашего брака, особенно ее мать. Она, по не понятным мне причинам считала, что я не достоин ее дочери. В связи с этим между Агриппиной и ее матерью разгорелся ужасный скандал, после которого Агриппина собрала все свои вещи и переехала ко мне в поместье.

Вскоре у нас родилась дочка, которую мы без раздумий назвали Викторией. Я всем сердцем хотел для нее лучшего будущего. И я сделал все от меня зависящее для того, чтобы она была счастлива и ни в чем не нуждалась.

Вторник

29 сентября 2015 года
Санкт-Петербург, Россия

Настя, пропылесосив пол в том круглом зале, а потом решила пойти и пропылесосить пол еще и на первом этаже. Сейчас всего шесть часов утра. Все еще спят. Она успеет пропылесосить весь первый этаж и приготовить завтрак, который когда-то готовила ей мама. Завтрак состоял из тостов, промазанных маслом, омлета, который у ее матери получался бесподобным, и либо чашки черного кофе, либо стакана ледяного сока – на выбор.

Она уже спустилась на одну ступеньку, когда увидела ужасное. Да тела висели, привязанные за руки железными прочными цепями к люстре.

Кровь стекала по их телам и одежде. За мгновение до того, как в глазах потемнело, голова закружилась, а в ушах зазвенело, Настя заметила, что тела обезглавлены. На полу была огромная лужа крови. Настя была как в тумане. Ей было страшно. Зазвенело в ушах, закружилась голова, и в глазах потемнело еще сильнее. Было уже невыносимо терпеть. Она упала и сразу потеряла сознание.

– Настя! Настя, что с Вами?! – услышала она знакомый женский голос и почувствовала резкий запах нашатырного спирта. – Настя!

Настя открыла глаза и увидела Дарью, держащую в руке кусок ваты.

– Они! – прокричала Настя. – Они! Вы их видели?! Они мертвы!

– Да, да, мы их видели! – протараторила Дарья и помогла Насте встать.

– Надо вызвать полицию, – бормотала домработница

– Вызвали уже. Вот, ждем, – выговорила Дарья и повела Настю в круглый зал.

Они вошли в комнату Дарьи и сели на кровать.

* * *

Поляков сидел и со скучающим выражением лица наблюдал, как все усердно работают. Ему тоже хотелось усердно, с интересом работать, но не давали ему таких дел, над которыми он, Владимир Поляков мог бы ломать голову, с интересом шаг за шагом идти за преступником.

– Поляков, а че это ты штаны просиживаешь? – возмущенно, оторвавшись от своей работы, спросил Резнецкий.

– Надо так, – огрызнулся Поляков, косо глянув на коллегу.

– Вы гляньте на этого красавца! – воскликнул Резнецкий, – мы тут работаем в поте лица, а он целыми днями сидит и на компьютере пасьянсы слаживает! И как тебя до сих пор не уволили?

– Ну, не уволили же. Резнецкий, чего тебе от меня надо? А? – недовольно, уже повернув голову к возмущенному коллеге, произнес Поляков.

Вдруг в кабинет вошел начальник – Говоров Илья Григорьевич. Седоволосый мужчина, с небольшой бородой. Всегда ходит в серых костюмах. В его руках была картонная новая, почти пустая папка.

– Поляков, тебе дело, – пробурчал Говоров. – Возьмешься?

– А что там за дело? – спросил Поляков, лениво выхватив папку из рук Ильи Григорьевича.

– Выезжай прямо сейчас, – громко сказал Говоров.

Он открыл папку, а она оказалась пустой.

– Это шутки? – возмущенно спросил Владимир.

– Я тебе не шут, чтобы шутки шутить! – быстро разозлился Говоров.

– А адрес где? – лениво спросил Владимир.

– На папке карандашом написан.

Он взглянул на папку. Там действительно огромными буквами был написан адрес. Он молча встал, бросил папку на свой стол и вышел из кабинета. Он сел в машину (Bentley модели Continental GT Speed последнего поколения) и поехал по адресу – в дом семейства Красновых, не предвкушая особого интересного дела.

Когда он приехал, то с опаской подошел к большим каменным воротам. Возле ворот стояла Дарья с взволнованным выражением лица.

– Вы из полиции? – спросила Дарья дрожащим голосом.

– Да, меня зовут Владимир Сергеевич Поляков. Что у Вас случилось? – пробормотал он, на самом деле даже не желая знать, что случилось у этих гадких богачей. – А как Вас зовут?

– Дарья Владимировна Краснова. Пройдемте со мной в дом.

– А что там?

– Пройдемте. Сами увидите.

Эта ее фраза его буквально вывела из себя. Он чуть сам не убил ее. Насмотрелись тупых сериалов и думают, что «Пройдемте. Сами увидите» – это хорошая фраза для таких случаев.

Если у них нет интересной загадки для меня, я их закопаю – подумал Владимир.

Когда они уже вошли в холл, он с раскрытым ртом смотрел на двух людей – мужчину и женщину, висящих, прикрепленных цепью к люстре за руки, обезглавленных, в одеждах девятнадцатого века. На женщине было зеленое пышное платье, а на ее руках виднелись почти прозрачные зеленоватые перчатки. На мужчине был черный плащ и цилиндр. Под ними на полу была уже немного застывшая лужа крови.

Он увидел это и сразу понял – он, наконец, нашел стоящее дело. И уже с огромным энтузиазмом шагнул вперед к луже темной, почти черной крови.

По холлу ходили эксперты. Один брал образцы крови, другой фотографировал тела, лужу крови, люстру, все помещение.

Возле лестницы стояли Дарья, Настя и Элеонора. Настя истерически плакала, Дарья с трудом держалась, но ее глаза все равно были красными. А вот Элеонора не проронила ни слезинки, и глаза ее красными совершенно не были. И Владимир сразу понял, с кого начнет допрос.

Он не спеша подошел к ним и тихо, вдумчиво (давненько он не был на месте преступлений) произнес:

– Интересно, как эта люстра выдержала двоих человек?

Элеонора тут же возмущенно прокричала:

– Молодой человек, эта усадьба была дана моим прабабушке и прадеду в благодарность от самого императора! В позапрошлом веке строили не так, как сейчас.

Он согласно кивнул, а потом снова спросил:

– Дарья Владимировна, а кто нашел тело?

– Я! – синхронно крикнули Настя и Дарья.

Он посмотрел на Настю.

– А Вас как величать? – спросил Владимир, все так же вдумчиво.

– Настя. Домработница. Я пылесосила пол на втором этаже. А потом решила пропылесосить пол и на первом... Я спустилась на одну ступеньку и увидела их... они висели...

– Я всегда рано встаю, – начала Дарья рассказывать свою версию происходящего, – встала в шесть тридцать и решила пойти в кухню, позавтракать. Смотрю, а там Настя лежит. Посмотрела вперед, а там на люстре висят Лена и Максим.

– А почему Вы в обморок не бухнулись? – поинтересовался Поляков.

– Я врач. Точнее, кардиохирург. Я привыкла смотреть на кровь.

– Одно дело – незнакомые пациенты. А совсем другое дело – родные люди, – четко сказал Поляков, всматриваясь в глаза Дарья.

– Я, конечно, растерялась, но я же говорю, я привыкла к виду крови. Я и сейчас боюсь и переживаю, но до обморока видом крови меня не довести, – уверенно ответила Дарья.

Он переключил взгляд на Элеонору.

– А как Вас зовут? – вежливо спросил он, но как-то нетерпеливо.

– Элеонора Борисовна Краснова. Тетя убитой, – громко ответила Элеонора.

– А где Вы были этой ночью? – спросил Владимир, а потом понял, что надо бы вызвать ее в участок.

– Как, где?! По клубам шлялась! – возмутилась Элеонора. – Дома. Здесь. Спала.

– Элеонора Борисовна, давайте, Вы подъедите сегодня к часам четверем в участок, – уже как-то лениво попросил Поляков.

– Зачем?

– Мне нужно Вас допросить.

– Ладно. А что это Вы меня в участок тащите, а Дашку, так тут допросили!

– Вот, придете в четыре часа в участок, я все Вам подробно расскажу.

Она злобно посмотрела на молодого опера и пошла в кухню.

– Их переодели! – вдруг вскрикнула Настя.

Владимир Поляков от неожиданности подскочил. Дарья улыбнулась, но потом быстро улыбка с ее лица исчезла, и она кинула свой сосредоточенный взгляд на Настю.

– Кого переодели? – спросила Дарья.

– Их, – коротко ответила Настя, опять зарыдав в голос.

– Елену и Максима? – неуверенно спросил Поляков.

– Да, – ответила Настя.

– В смысле, переодели? – не понял Поляков.

– В прямом смысле, переодели. Я когда в первый раз увидела их, они были в своих пижамах. А сейчас они, вон, в старинных одеждах.

Он бросил взгляд на висящие тела.

– Да снимите их! В конце концов, сколько можно! – гаркнул Владимир так громко, что Дарья и Настя даже прикрыли руками уши.

Первый криминалист послушно поднес к телам стремянку и попытался развязать цепи, которой были привязаны их руки, а потом быстро спустился с лестницы. Дальше к нему на помощь пришел второй. Они вместе взяли сначала тело Елены и унесли куда-то на улицу, а потом вернулись и унесли тело Максима туда же.

Дарья, потеряв из виду этих криминалистов, пошла в кухню. Настя осталась стоять напротив Владимира. Ей было не по себе.

– Настя, а Вы можете показать мне комнаты погибших? – спросил Владимир. – Они же жили здесь?

– Да. Сейчас, – каким-то виноватым голосом ответила Настя и они стали подниматься по лестнице на второй этаж.

От такой интонации Насти ему даже захотелось спросить ее: «Чем я Вас обидел?» Судя по всему, эта Элеонора тот еще деспот, – подумал Владимир. Он только сейчас стал понимать, что она, скорее всего, не убийца. Такие, как она, часто говорят, что убьют, но почти никогда не убивают. Хотя, всякое может быть. Владимир даже сам не понял, почему его так заинтересовало это дело? Из-за необычного убийства? Из-за странного поведения жителей этого поместья? Их поведение было воистину странным. Взять хотя бы эту Дарью: на первый взгляд – нормальная женщина. Но! Умерли женщина с мужчиной в ее доме, судя по всему, ей хорошо знакомые люди, а она просто стоит и смотрит на их обезглавленные тела.

– А кем Дарье приходились убитые? – задумчиво спросил Владимир, по пути в комнату Елены и Максима.

Настя вздохнула. Похоже, расспросы молодого оперативника ей уже надоели. Но он был обязан ее обо всем спрашивать.

– Елена Яновна – двоюродная сестра Дарьи Владимировны, а Максим – жених Елены Яновны.

Вон оно как! Умерла ее двоюродная сестра со своим женихом, а она говорит, что просто привыкла к виду крови. Что-то странно. Может, она не переживает, потому что она и убила свою двоюродную сестру с ее женихом? Ну, про Элеонору он уже все понял. Но допрос он все равно начнет с нее.

Они подошли к комнате с табличкой, на которой было написано «Елена».

– Прошу, – произнесла Настя, открыв дверь, а потом, когда быстро вбежала, посторонилась, дабы пропустить следователя Полякова.

– Спасибо, – сказал он, войдя в комнату и закрыв за собой дверь.

На кровати лежало что-то золотое. Он настороженно подошел и рассмотрел этот объект. Это была некая золотая подвеска с рубинами, бриллиантами и изумрудами.

– Это ее украшение? – спросил Владимир, указав пальцем на подвеску. Она его пугала, он не мог понять – почему.

Настя подошла к кровати и несколько секунд просто стояла и всматривалась в подвеску. А потом уверенно сказала:

– Нет. Она не носила ювелирных украшений. У нее не было таких денег.

– Судя по тому, в каком доме это семейство живет, и по тому, что они наняли домработницу, я думаю, у них есть деньги на ювелирные украшения.

– Вы только посмотрите, какие бриллианты! Это не просто украшение.

– Вы разбираетесь в ювелирном деле?

– Нет. Не нужно быть мастером, что бы понять, что это очень дорогое украшение. Возможно, ручной работы.

– Так, ладно.

Он вышел из комнаты, доставая из карманов джинс телефон. Потом он набрал номер Дмитрия Зубова и поднес телефон к уху.

С Дмитрием Зубовым они дружат долго. Познакомились на Фейсбук.

– Привет, Дим, ты можешь помочь? – перешел сразу к делу Владимир.

– Что тебе надо? – сонно спросил Дмитрий.

– На месте преступления мы нашли ювелирное украшение. Золотое. Подвеску с красными, зелеными камнями и бриллиантами.

– Ага, я сейчас приеду, диктуй адрес, – произнес Дмитрий, немного приободрившись.

Уже через двадцать минут Дмитрий стоял на пороге дома Красновых. Его встречал Владимир. После рукопожатия Поляков сразу повел друга в комнату Елены и Максима.

– А чего ты был не на работе? – спросил Владимир, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

– А как ты понял, что я был не на работе?

– Голос у тебя был сонным. Когда ты на работе у тебя голос бодрый.

– Ай, решил устроить себе выходной, – махнул рукой Зубов, который плелся где-то позади.

– Не ври! Ты всегда ходишь на работу! – проговорил Поляков, – что случилось?

Дмитрий вздохнул.

– От меня Раиса ушла, – ответил Зубов, когда они уже вошли в комнату Елены и Максима.

– А с чего это вдруг? – ужаснулся Поляков.

– Да, не вдруг, – раздраженно ответил Зубов, – мы уже давно ссоримся. Стали абсолютно чужими людьми.

– Так, она ушла, и все?

– В каком смысле?

– Без всякого дележа имущества?

– Конечно! Ей это имущество... не надо оно ей.

Владимир посмотрел на виноватое лицо Зубова.

– Ты предложил ей развестись, – догадался Поляков.

Дмитрий молчал. Но Владимир и без слов понимал, что он прав. Зубов подошел к кровати и внимательно посмотрел на подвеску.

– Ого! – воскликнул он так громко, что Владимир снова подпрыгнул.

– Ты чего? – сердито спросил Поляков Зубова. Он ненавидел, когда кто-то видел его страхи. Ему хотелось показаться бесстрашным, хоть он вовсе таковым и не является.

– Это же она! Но как? Как она здесь оказалась? – восторгался Дмитрий Зубов.

Полякову опять стало не по себе.

– Володька, если я не ошибаюсь, только что мы разгадали одну из непростых загадок истории.

– В каком это смысле?

– В самом прямом! Эта подвеска, если это подлинник, была сделана придворным ювелиром в середине XIX века для Александры Федоровны – жены Николая I.

«О, Боже! Только этого мне не хватало! – думал Поляков. Теперь в участке будут толпиться историки, и выпрашивать всю информацию об этом деле! Они не дадут мне нормально заниматься расследованием дела. Нет! Только не это!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.